

именуется здесь у ал-Бируни страной печенегов, а район к востоку от Аму-Дарьи — страной гузов; в действительности печенеги ушли из этого района еще в IX в.; очевидно, слова ал-Бируни, очень хорошо представлявшего себе реальное положение вещей, относятся не к его времени, а к древности. Мнение о тесной связи аланов с Хорезмом в литературе уже высказывалось. Теперь мы находим подтверждение этому в легенде, записанной уроженцем Хорезма еще в начале XI в. Хотя манера изложения ал-Бируни и позволяет предположить, что здесь мы имеем не легенду, а рационалистическое объяснение факта сходства языка аланов-асов с языком хорезмийцев¹, но вероятнее, что подобные легенды в Хорезме существовали, так же как сохранилась память о более близком по времени соседстве печенегов с Хорезмом.

Только после всех этих блужданий Аму-Дарья, по ал-Бируни, наконец начинает течь в Аральское море и своими наносами создает основную, равнинную, часть Хорезма. Здесь логическая последовательность изложения заставляет ал-Бируни забыть его собственные слова в «Хронологий» о древности хорезмийской культуры (начало ее он относит к 1292 г. до н. э.), но самая мысль, конечно, чрезвычайно интересна.

Не совсем ясны слова ал-Бируни о передвижении Аральского моря к северу «до земли, в которой теперь живут туркмены». Неясно, какие горы вызвали такое перемещение — повидимому, речь идет об уступе Усть-урта. «Земля, в которой теперь живут туркмены», по положению должна быть около устья Сыр-Дарьи. Однако в других своих сочинениях ал-Бируни помещает туркменов выше по течению этой реки в районе Саурана и Сюткенда, там же, где их помещает ал-Макдиси. Ал-Бируни — второй по времени автор, знающий название туркменов. В «Хронологии» упоминаются еще только гузы, в публикуемом тексте и в последующих сочинениях ал-Бируни — туркмены, причем в «Минералогии» они упоминаются в рассказах о времени, когда ал-Бируни еще находился в Хорезме, т. е. до 1017 г. В «Минералогии» находится самая ранняя попытка объяснения названия «туркмен». Любопытно, что и для ал-Макдиси и для ал-Бируни, как и для писавшего на несколько десятилетий позже Махмуда Кашгарского, страной туркменов является бассейн Сыр-Дарьи, а не территория современной Туркмении. Повидимому, основная масса туркменов еще оставалась тогда на старой территории.

С. Волин

К проблеме домашнего рабства в древнем Египте

В текстах Нового Царства, особенно в царских анналах и надписях, описывающих царские дарения храмам, довольно часто говорится о военнопленных, но из этих документов можно извлечь очень мало сведений о том, как эти пленные использовались. Значительно больше для выяснения характера использования военнопленных дают различного рода хозяйственные и деловые надписи и тексты. Но и они дают лишь отрывочные данные.

Тем большую ценность представляет надпись на недавно обнаруженной статуэтке², датированной временем Тутмоса III, которая дает нам счастливую возможность судить о судьбе одного военнопленного, ставшего собственностью частного лица. Вот перевод этой надписи:

«Год 27 при величестве царя Верхнего и Нижнего Египтов Тутмосе III, одаренном жизнью и постоянством, подобно Ра, навеки.

Сабастет, царский брадобрей, появился перед *ihms n k³p³* царского дворца, говоря: «Принадлежащий мне исчисленный раб (*hm hsb*)⁴, по имени Аменуа, которого я захватил собственной рукой, когда я сопровождал царя... Баст, владычицы Буба-

¹ Ср. А. А. Фрейман, «Записки Института Востоковедения», т. 7, стр. 313.

² J. de Linage, L'acte d'établissement et le contrat de mariage d'un esclave sous Thoutmès III, BUFAO, т. 38, стр. 217 сл.

³ Это, повидимому, бюро, которое регистрировало подобные акты.

⁴ Судя по термину *hsb*, это раб, внесенный в кадастровую опись имущества своего владельца.

стиса, на место отца моего брадобрея Небсахену. Его не будут бить, [его] не будут задерживать] на какую-либо службу царя¹. Даю я ему в жены Такамент, дочь моей сестры Небета, и я раз[делю]² ее наравне с [моей] женой и сестрой. И выйдет он без бедности. Если он сделает... Если он сделает подсчет службы [hšb wpw. t] моей сестры, не будет ему дурного от какого-либо человека, вовеки».

Сделан документ этот [царским писцом Не]су перед:

стражником Аменемхебом
царским писцом Яхмесом
писцом царского rwd Беки
царским писцом Аменмесом
начальником 'rj.t. Амонпа...»

Таков этот коротенький и пока уникальный текст, который касается характера использования военнопленных³.

Сабастет, выполняя, вероятно, свои профессиональные обязанности брадобрея, сопровождал войска фараона Тутмоса III. Во время похода он собственноручно захватил пленного, в силу чего этот последний стал его собственностью⁴. Вернувшись на родину, Сабастет присвоил своему рабу чисто египетское имя Аменуа⁵ и, обучив своему мастерству⁶, использовал, надо думать, в своей цирульне. Спустя некоторое время Сабастет даровал своему рабу свободу, отдал ему в жены племянницу (дочь сестры) и передал свою наследственную должность брадобрея храма Баст. Помимо того, Сабастет завещает этой своей племяннице часть имущества, равную той, которая перейдет его жене и сестре.

К сожалению, текст не раскрывает нам причин, которыми руководствовался Сабастет, даруя свободу Аменуа, и о них мы можем только догадываться. С большой долей вероятности можно предложить следующее объяснение. У Сабастета, судя по завещанию, не было детей. Желая обеспечить своих близких родственников после своей смерти и закрепить за семьей наследственную должность, Сабастет дал вольную Аменуа и ввел его в состав своей семьи, женив на племяннице.

Однако, независимо от того, правильно ли предлагаемое объяснение поступка Сабастета, из текста совершенно явственно следует, что раб не только получил вольную, но и стал членом семьи своего бывшего хозяина, притом совершенно свободным ее членом, ибо заявление Сабастета оговаривает право Аменуа оставить свою тещу.

Разумеется, делать из этого единичного текста широкие обобщения нельзя. Но он интересен тем, что иллюстрирует древнеегипетским материалом замечание Ф. Энгельса

¹ Издатель текста переводит это место: «при каких-либо вратах царя», что мне кажется неправильным.

² Т. е. оставляю ей, по завещанию, часть, равную той, которая перейдет жене и сестре.

³ Текст сообщает ряд любопытных деталей правового порядка, которых я в данной статье не касаюсь. Чрезвычайно интересно также то обстоятельство, что на правом предплечье статуэтки выгравирован картуш с именем фараона Тутмоса III. Исходя из того, что на рельефе, где изображено клеймение военнопленных (H. Nelson, U. Hölscher, Medinet-Habu, 1924—1928. «Oriental Institute Communications», № 5, стр. 34, рис. 25), видно, что клеймо налагалось именно на правом плече, можно предположить, что оно изображало картуш царствовавшего фараона. Проверка с этой точки зрения биографий тех лиц, на изображении которых имеется картуш на плече, могла бы представить исключительный интерес.

⁴ Человек, захваченный в плен на поле битвы, повидимому, как правило, становился собственностью захватившего его воина. См., например, надпись Яхмоса Sethe, Urk. d. XVIII dyn. 2, 1—13; надпись Аменемхеба, ibid., 890, 14—15; папирус Брит. Музея 10052, 10, 11—20 (Peet, The great Tomb robberies of the Twentieth Egyptian dynasty)-и др.

⁵ Присвоение чужеземцам чисто египетского имени—явление весьма распространенное. См., например, материал, собранный по этому поводу в статье G. Posener, Une liste de noms propres étrangers sur deux ostraca hiératiques du Nouvel Empire. «Syria», т. XVIII, стр. 183 сл.

⁶ Трудно предположить, чтобы захваченный военнопленный был собратом по профессии Сабастета.

о том, что на Востоке рабство «не образует прямым образом основы производства, а является косвенным образом составной частью семьи, переходя в нее незаметным образом (рабыни гарема)»¹.

И. Лурье

Неопубликованные археологические памятники Керченского Историко-археологического музея им. А. С. Пушкина

Последняя публикация боспорских надписей была произведена Керченским Историко-археологическим музеем в 1935 г. при содействии ГАИМКа в сборнике «Из историн Боспора».

К 1940 г., благодаря раскопкам Боспорской экспедиции в Тиритаке, Мирмекии, на горе Митридате, Юз-Обе и случайным находкам, накопилось до 30 новых археологических памятников из гор. Керчи, ее окрестностей, а также из Тамани.

К этим новейшим находкам необходимо присоединить еще материалы по эпиграфике с 1930 г. С опубликованием нового материала, можно сказать, все эпиграфические памятники, хранящиеся в Керченском музее, будут изданы.

Все эти многочисленные новые памятники вносят в историю Боспорского царства целый ряд новых данных, новых штрихов.

Работа над этими памятниками закончена мною недавно—в 1939 и 1940 гг. Несомненно, что памятники эти представляют огромный интерес с точки зрения историка крупнейшей античной колонии Крыма.

Надписи и скульптурные памятники касаются разных пунктов обширного Боспорского царства и располагаются в топографическом порядке с запада на восток: Кыз-аул, Тобечикское озеро, Тиритака, Пантикапей, Мирмекий. Вне общей связи—две ценнейшие надписи: из Тамани и Юз-Обы, которые начинают и завершают серию публикуемых памятников.

I

Мраморная плита, обрамленная простым карнизом, составляла, повидимому, верхнюю часть колонны, ее капитель. Плита с лицевой и правой стороны (от зрителя) имела надпись, к сожалению, от времени стершшаяся и с трудом читаемые на растрескавшемся мраморе. Длина карниза—0,52, ширина—0,35, высота—0,15; высота букв—0,02—0,015.

Плита найдена в 1930 г. в Тамани, в районе турецкой крепости, рабочим Гринько и передана Таманскому Краеведческому музею.

С лицевой стороны от надписи сохранились: одна строка почти полностью и фрагмент второй строки. Еще труднее поддается разбору надпись с правой стороны.

Надпись на колонне, очевидно, связана с культом Афродиты, который широко был распространен на Таманском полуострове. Особенно славился культ Афродиты Апатуры.¹ Сохранилось несколько рельефных мраморных изображений, относящихся к мифу об Афродите Апатуре, о котором сообщает Страбон в своей «Географии». Одно изображение отмечает К. Герц (см. К. К. Герц, Собрание сочинений, вып. 2, стр. 50—51, гл. II, издание АН, СПб., 1898).

Есть еще другой мраморный рельеф, также связанный с мифом о борьбе Афродиты Апатурской с гигантами, как полагает Ашик в своем сочинении «Боспорское царство», том I, рис. VII, с объяснительным текстом на стр. 29—31, § 28.

Мраморный рельеф хранится в настоящее время в Гос. музее Эрмитажа.

Третье рельефное изображение, открытое в 1727 г. французским путешественником De la Motraue на азиатской стороне Киммерийского Боспора, с древнейшей надписью Афродиты Апатурской (IRE, II, 469), выполненное в стиле художников XVIII в., явно не заслуживает доверия (см. ЖМНП, 1909, май, стр. 216, И. И. Толстой, Апаторо).

¹ «Диалектика природы», М. и Э., Соч., т. XIV, стр. 451.